

дарствам, что она, в свою очередь, получает у них признание. Феофан и сам способствует расширению культурных связей между Россией и Западной Европой, устанавливая личные контакты с крупными европейскими учеными.¹⁵

Патриотизм приобретает новое качество у Прокоповича по мере того, как он проникается идеями Петра.¹⁶ Стефан Яворский смотрит на завоевания Петра как на своего рода «крестовые походы»: «Незнаемо было имя Христово над водами петербургскими; незнаемо было имя Христово и над водами азовскими, паче же хуляшеса. Ныне же имя Христово на тех местах прославляется, хвала божия воспевается, тайны божественные действуют, жертва бескровная богу приносится».¹⁷ Феофан Прокопович совсем иначе расценивает победы России: на первый план у него выдвигаются не вопросы веры, а проблемы внешней и внутренней государственной политики. Это особенно заметно в «Слове о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире...». Одним из «плодов мира» Феофан считает «всяких честных учений стяжание» и тут же поясняет свою мысль: «Отложа высокое о нас мнение, гнушатиа начнем грубости и невежества и детям нашим лучшаго во всем (ревнуя прочым честным народам) исправления возжелаем» (С, 125). Феофан приветствует и европеизацию русского быта, вызывавшую столько протестов у приверженцев старины: «Есть ли на самое малейшее нечто, честное же и нужное, посмотрим, на чиннейшее, глаголю, одеяние, и в дружестве обхождение, на трапезы и пирования и прочия благоприятныа обычаи, — не исповемы ли, что и сего Петр нас научил? И чим мы прежде хвалилися, того ныне стыдимся» (С, 135).

Этот решительный отказ от прежних нравственных норм не мог, однако, быть осуществлен без опоры на божественный авторитет. Опираясь на него и умело используя свои богословские знания, Феофан хотел изменить в умах своих слушателей самое представление о том, что угодно богу и что нет, что такое грех и что такое добродетель. Феофан был вынужден облекать свои выступления в традиционную форму проповеди, но часто речь шла у него о вопросах, далеких от религии. Светская тематика явно начала преобладать в проповедях Прокоповича, относившихся к петербургскому периоду его деятельности, когда он сам

¹⁵ См.: E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; H. Grasshoff. A. D. Kantemir und Westermann. Berlin, 1966.

¹⁶ И Тетзинг проследживает, как понятия «знание» («Wissen») и «отечество» («Vaterland») постепенно утрачивают у Феофана теологический смысл, подвергаясь секуляризации (I Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Frühauflklärung, S. 355—358).

¹⁷ Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского. — Труды Киевской духовной академии, 1874, № 12, стр. 513.